

НАША СТРАНА

Год издания—46-ой. Буэнос Айрес, суббота 18 декабря 1993

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 18 de diciembre de 1993 № 2263

Евгений Вагин

СЛУГА ТРАДИЦИОННОЙ РОССИИ

Умер Олег Антонович Красовский, главный редактор независимого русского альманаха „Вече“, начавшего выходить в 1981 году в Германии.

Убеденный антикоммунист, участник Власовского движения, после окончания войны он испытал на себе все трудности выживания русского человека этого поколения и этой судьбы в западном мире. Богато и разнообразно одаренный, исключительно волевой, наделенный умом практическим и острым, он сумел утвердиться в жизни не только в силу этих природных качеств. Олег Красовский принадлежал к числу тех лучших людей, которые живут идеей, — но не в мечтательной неопределенности и отвлеченных фантазиях, а воплощая эту идею в себе самом, в своей жизненной программе. Тем более, что в данном случае, эта идея, как никакая другая, была для него естественной и органической: идея свободной России. Самоотверженное служение такой, традиционной России, впитанной в себя с молоком матери, утвердившейся в сознании в юные годы, под впечатлением от ареста отца, рано определилось как цель жизни. В таком смысле далеко не случайным было его участие в Русской Освободительной Армии, как и позднейшая работа в среде послевоенной антикоммунистической эмиграции, когда ему довелось стать свидетелем, вовсе не безучастным, народной революции в Венгрии в 1956 году.

Власов, Венгрия, „Вече“ — такими представляются мне этапы пути Красовского, как стойкого русского антикоммуниста. „Просто“ антикоммунизма — не существует; если это подлинное, глубокое убеждение, оно непременно — и неразрывно — связано с национальной идеей, тотальным отрицанием которой и является интернациональный коммунизм. Поэтому в наше время, в XX веке, русский патриот не мог никогда, и не может теперь, не быть антикоммунистом; если он в чем-то поддается этому тоталитарному соблазну, это означает трещину, ущербность в его „русскости“, в его патриотических идеях и чувствах.

С одной стороны, быть антикоммунистом — особенно на свободном Западе — было и легко, и даже „выгодно“, особенно в период „холодной войны“. Но даже и тогда, когда антикоммунизму дозволялось вооружаться национальной идеей, — сама по себе эта доктрина была чисто служебной, оперативной, никак не стремившейся к обогащению положительным (то есть национальным!) содержанием. Не потому ли, с крахом коммунизма,

мы оказались в таком катастрофическом идейном вакууме? В среде патриотической русской эмиграции, по крайней мере, до прибытия „прагматически“ настроенной третьей волны, — антикоммунизм никогда не был предметом спекуляции, ни в плане метафизическом, ни, тем более, практическом. Это было делом жизни, во всех отношениях. Русский антикоммунизм был всегда лишь выражением традиционного русского патриотизма, верности устоям русского царства, Святой Руси. Как совершенно естественным было неприятие большевицкой революции в 1917 году истинными, то есть православными русскими людьми, — столь же естественным было и последующее отвержение коммунизма, с его сатанинской, античеловеческой (а значит и антинациональной) идеологией всеми, кто чувствовал себя, сознавал и был на самом деле — русским. В эмиграции, как и на родине. На родине, очень скоро пришлось дорого платить за эту верность русской России, в условиях принудительной интернационализации; в эмиграции — терпели, никак не поощряя, эту странную привязанность этих странных русских (исключая „европейски образованных“, признававших не только „ложь“, но и „правду“ коммунизма); однако, хорошо оплачивавшийся профессиональный антикоммунизм никак не опирался ни на какую национальную — а уж тем более русскую — идею. (Не отсюда ли: „коммунизм у всех на виду — и не понять?!“) Это, в сущности, „парабола“ деятельности радиостанции „Свобода“, где довелось работать О. А. Красовскому целый ряд лет, и откуда его — со вздохом облегчения — отравили на пенсию ранее положенного срока. В условиях, так напоминающих сегодняшнюю Россию, — когда хлынули к богатому „корыту“ профессионалы, вчерашние служители коммунистической идеологии (в лучшем случае, „нейтральные“ диссиденты), переделавшиеся, как по команде, в „анти-“. Нет худа без добра: освободившись от ставшей невозможной работы на американской радиостанции, Олег Красовский смог полностью отдать себя русскому делу. Это и было началом „Вече“.

Безусловно „Вече“ стало кульминацией патриотической деятельности О. А. Красовского, характерным образом такого типа патриотического служения, когда издатель периодического органа полностью отождествляет себя с ним, и этот орган становится выражением его идейной позиции. К этому времени окончательно оформились глубоко пережитые воззрения Красов-

ского, приобрели завершающую чуткость, — что можно почувствовать в опубликованных им статьях в „Вече“, в его, оставшихся незавершенными, мемуарах. Он хотел сказать многое, и он имел что сказать... Это осталось в памяти его немногих собеседников последних лет жизни.

Хочется подчеркнуть своеобразную позицию альманаха „Вече“ в спектре русской патриотической прессы за рубежом; она во многом определялась воззрениями и вкусами его главного редактора. „Вече“ не является церковным органом, при том, что с самого начала твердо стоял на стороне Русской Зарубежной Церкви (в последнее время это привлекло к нему дополнительные симпатии многих сторонников нашей Церкви в России). Сам Олег Антонович был человеком православным; приезжая к нему, я видел у него на рабочем столе Св. Писание, и в разговорах он все чаще обращался к темам религии. Важно то, что веру свою он стремился претворять в дела, и — почитая издание „Вече“ делом общественно и религиозно значимым — естественно искал сочувствия и поддержки в церковных кругах. Иногда ему такой поддержки не хватало, и он болезненно переживал это. Тем более, что многочисленные письма из России, не просто от людей верующих, мирян, но-и от священников, из монастырей не могли не убеждать его в верности своего чувствования.

О. Красовский не был монархистом в „узком“ смысле этого обязывающего слова и понятия; но, конечно же, и здесь он был традиционалистом, особенно после разрыва с НТС. Живой и глубокий интерес к проблеме российской монархии, к судьбам Царской Семьи, нашел отражение на страницах „Вече“, с первых же номеров альманаха. Нельзя не подчеркнуть, в связи с этим, внутренней духовной близости между „Вече“ и „Нашей Страной“. Ярким свидетельством этого была исключительно благоприятная, дружеская и теплая рецензия на 1-й номер альманаха покойного А. Макриды (номер 1640, 28-8-1981), который в личном письме автору этих строк подтвердил желание участвовать в „Вече“, хотя и жаловался на недуги. Наличие „общих“ авторов в последние годы также подтверждает несомненную духовную связь двух патриотических органов печати русской эмиграции, одинаково хорошо известных теперь и на родине.

Здесь, быть может, стоит особо сказать об исключительной важности для сегодняшней России патриотических изда-

ний российского Зарубежья, в первую очередь таких, как „Вече“, „Наша Страна“, „Наши Вести“.

Важен факт их издания здесь, вне пределов нашего отечества, — где идейная смута, при тяжком наследии семи проклятых десятилетий, все еще определяет „тональность“ и направление полемики, накладывает отпечаток на самые достойные и респектабельные издания. Отсюда, как представлялось и О. А. Красовскому, удобнее сохранять **необходимую сдержанность**, при наличии совершенно четкой, принципиальной позиции в главных вопросах, представляя возможность высказывания и тем, кто на родине в какой-то степени себя скомпрометировал выражениями симпатий к непопулярным деятелям или чрезмерной привязанностью к лозунгам и обещаниям, никак не подтвердившимся на практике. Сдержанность, как результат глубокого понимания ситуации в России и в мире.

Мне кажется, что в этом и заключается духовное завещание покойного главного редактора независимого русского альманаха „Вече“. При всем том, что наш альманах подвергался самым разнузданным нападкам и обвинениям, при том, что ему стремились создать репутацию крайне шовинистического органа, — уже одно спокойное знакомство с опубликованными более чем пятьюдесятью номерами показывает, насколько такие обвинения лишены всяких оснований.

Это правда, что уже при начале издания, привлеченные одной обложкой — бело-синекрасной (имевшей тогда, в начале 80-х, совершенно иной смысл!) многие крайне-правые присылали свои материалы для публикации в альманахе; и О. А. Красовский с неизменной твердостью, рискуя подчас потерять потенциальных подписчиков, отказывался публиковать то, что не способствовало углубленному пониманию прошлого и происходящего, а лишь усугубляло неприязнь и раздоры, вносило дополнительный отенок смуты. Ибо он был — как и всякий русский православный человек, я в этом убежден — глубоко терпимым к людям, способным понимать самые крайние взгляды, но был непримиримым ко всему, усугубляющему вражду и злобу в этом мире. И его антикоммунизм был направлен не против отдельных людей (менее всего — против какого-то народа), но против духа зла и разделения, в чаянии справедливости и братства.

Евгений Вагин

МИРАЖИ СОВРЕМЕННОСТИ

ПРАВЫЕ И ЛЕВЫЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

В разных странах в разные эпохи, в том числе и в России, успех левых группировок нередко определялся тем, что к ним примыкали талантливые деятели культуры, в первую очередь литературы.

Раскладка сил в данный момент им в этой области не благоприятствует.

Окидывая взором теперешнюю подсоветскую (или как прикажете ее называть? бывшую подсоветскую?) литературу, мы видим, что все даровитое сконцентрировалось там в правом

стане: Солоухин, Распутин, Астафьев, Белов, Можжев, словом так называемые „деревенщики“.

Не будем говорить о поэтах, — их уж очень сейчас много; но и с ними, в целом, картина примерно та же.

А налево остаются фигуры „другой прозы“, вроде Т. Толстой и Л. Петрушевской. Больше-то, вроде, похвалиться нечем.

А из этих дам сделать больших писателей, — никак не выходит (и не выйдет!). Типичные модные пустышки!

Иное бы дело А. Рыбаков, ав-

тор „Детей Арбата“. Но его, похоже, как раз левые не принимают и жестоко критикуют. Да и за дело, — с их точки зрения, — выводы из его трилогии (еще не законченной) тянут определенно направо (каковы бы ни были его личные убеждения, о которых здесь судить не беремся).

Конечные выводы сделает история. Но факты-то налицо; и трудно было бы отрицать их значительность.

Елизавета Веденева

БИБЛИОГРАФИЯ

Д. С. Мирский. „История русской литературы“, (Лондон, 1992).

Книге недостает двух очень нужных вещей: биографического очерка об авторе и комментариев.

Князь Д. Святополк-Мирский, — так его на самом деле звали, — принадлежал к числу ренегатов белой эмиграции, советских патриотов. Он вернулся в сталинскую Россию и там погиб в концлагере. Сходная участь ждала там мужа М. Цветаевой, С. Эфрона и ее дочь Ариадну (та, положим, из лагерей вышла живой) и многих других. Но, по крайней мере, у Эфрона была причина бежать с Запада, будучи замешанным в убийстве советского перебежчика И. Рейса (хотя лучше бы ему было остаться: его бы, без сомнения, наказали менее строго). И потом, он и его дочь уповали на многолетнюю работу за границей в чекистских органах (увя! Дьявол платит черепками...).

А на что рассчитывал князь Святополк-Мирский, рафинированный интеллигент, не чуждый, как свидетельствуют современники „изящным порокам“? Да за одни его высказывания в лежащей перед нами работе большевики, со своей точки зрения, имели уже основание его ликвидировать!

И вот, скажите... Он, несомненно, был и умен, и хорошо образован, и с усердием ученого умел собирать метериалы. Почему же не собрал их о том, что собой представлял сталинский рай и чего там следовало ждать? Вспоминаются слова какого-то крестьянина про Льва Толстого: „Он, ко-

нечно, барин умный; да ум-то у него дурак!“

Во втором из упомянутых нами недостатков, автор, понятно, не несет ответственности: его сочинение, изданное первоначально в 1927 году, сильно устарело.

Например, многие писатели, о которых он говорит, что они остались (или вернулись) в СССР позже эмигрировали (Вяч. Иванов, Замятин), другие, о ком он говорит, как об эмигрантах, в конце концов репатриировались (Куприн, Цветаева); другие еще, из живших в Советском Союзе были расстреляны (Пильняк, Веселый, Бабель) или покончили самоубийством (Есенин, Маяковский); о чем стоило бы упомянуть.

Положим, мы-то про все это знаем. Но такая книга, курс истории русской литературы, в первую очередь должна бы адресоваться к тем, кто о вопросе знает мало: либо к иностранным руссистам или людям с широкими интересами, либо к подсоветским, не имеющим других познаний, кроме почерпнутых из большевистских учебников.

Если же рассматривать данный опус не как справочник, а с точки зрения оценок его составителя, — изумляешься их капризности и причудливости!

Он считает, что лучшая вещь Пушкина — „Медный всадник“, а за нею, с большими оговорками, „Сказка о царе Салтане“ (да еще и выражает уверенность, что большинство читателей с ним согласятся; это уж навряд ли!), а лучшее у Гоголя — „Повесть о том как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“.

Насчет поэзии, Святополк-Мирский решительно глух. До него доходит только „поэзия мысли“ — Тютчев, Баратынский, Слу-

чевский. То, что он пишет о Пушкине, о Лермонтове, — просто больно читать: там его суждения поверхностны и фальшивы...

Некоторые его фантазии удивляют. Он все время ищет у наших писателей и поэтов какой-то истинно русский язык, свободный от иностранного влияния, даже столь древнего как византийское; что и приводит его к восхищению уродливыми вывертами Ремизова. Кому и зачем сей выдуманный, несуществующий язык нужен?..

Некоторые его высказывания (даже о прозе) поражают: Цветаева, по его мнению, писала самой плохой прозой на русском языке (?), столь же несправедлив и даже неумен его отзыв о „Песни торжествующей любви“ Тургенева.

Впрочем, он вообще не любит романтизма, и жестоко его бичует всюду, где встречается (или хотя бы подозревает).

Он бывает хорош только когда резко критикует, — в некоторых случаях вполне заслуженно (Чехова, Горького).

Перевод, сделанный Р. Зерновой, в целом — отличный; но все же попадаются отдельные, порою курьезные ляпсусы. Так, Менделеев назван свекром Блока. Свекр и свекровь могут быть лишь у женщины; у мужчины бывают тещи и теща. Что такое Марриевский путеводитель, — непонятно: может быть мурреевский? С этого время сказать нельзя; нужно бы времени. В дореволюционной царской армии не было сержантов (оставляя в стороне 18-й век); были унтер-офицеры и фельдфебели. Французского иезуита, книга которого цитируется, звали д'Эрбиньи, а не д'Эрбини.

В. Рудинский

Языковые уродства

МАЙЯСКИЙ

Можно с сочувствием относиться к интересу в Советской России в отношении культуры и истории юкатанских племен майя, о котором свидетельствуют выпущенные там книги, в частности: переведенная с чешского работа М. Стингла „Тайны индейских пирамид“ (Москва, 1982) и солидный труд Р. Кинжалова „Искусство древних майя“ (Москва, 1968). Тем более порадуемся успехам подсоветских ученых, в частности Ю. Кнерозова в деле расшифровки письмен майя, описанным в популярной форме в

книжке В. Кузьмищева „Тайна жрецов майя“ (Москва, 1968).

Но каким слогом теперь там пишут! Слово бы вовсе утеряли чувство русской речи, слух к ней...

И у Кинжалова, и в переводе книги Стингла, мы читаем на каждом шагу: майяская культура... майяская архитектура и т. п. Почему же не майянская? От Италии мы образуем итальянский, от Мексики — мексиканский. Никто ведь не скажет мексикаский! Такое звучит абсолютно не по-русски.

Не лучше и с существительным майяология (если оно вообще нужно). Корень во второй половине — логия, от логос (а не — ология!). При сочетании в словах кончающихся на а или я, эти буквы превращаются в — о — : геология, от греческого гея „земля“, му-

зыкалогия, от музыка. Равно как от карта образуется картография, от упомянутого уже гея — география.

Так и здесь должно было бы получиться майяология, или равноценное тому майяведение.

Но, похоже, ученые мужи, занимаясь экзотическими культурами центральноамериканских индейцев, начисто разучились пользоваться своим родным языком!

Грустно...

Аркадий Рахманов

Выписывайте со склада "Нашей Страны"

"НАРОДНУЮ МОНАРХИЮ" ИВАНА СОЛОНЕВИЧА

все 5 частей в одном томе.
Цена в Аргентине — 10 ам. долл.
В других странах — 20 ам. долл.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Русская белая эмиграция ежегодно неуклонно отмечала 7 ноября как "День непримиримости". В США, "Конгресс русских американцев" отмечал этот день как "День памяти жертв коммунизма". После расщепления нашей страны в конце 1991 года, стало очевидно, что главной жертвой коммунизма оказалась именно наша страна. Несмотря на это, с тех пор иногда стали возникать сомнения, уместно ли вообще продолжать отмечать "День непримиримости". Самый разумный ответ на этот вопрос дал в прошлом году начальник Южноамериканского отдела "Организации Российских Юных Разведчиков" (ОРЮР) Г. Л. Лукин. На публичном акте этой организации, посвященном Дню непримиримости, Г. Л. Лукин заявил, что русская белая эмиграция будет отмечать этот день до тех пор, пока те или иные власти в нашей стране будут считать его "праздником". Таким образом, и в этом году, ОРЮР отмечал в Буэнос Айресе "День непримиримости", а "Совещание русских белых организаций в Аргентине" одобрило специальное "Заявление" по этому поводу, которое было напечатано в номере 2257 "Нашей Страны". В свою очередь, Конгресс русских американцев поместил в газете "Вашингтон пост" платное объявление, под заглавием "The memorial day for victims of communism".

Очевидно, что предметом непримиримости являются в первую очередь все пережитки коммунистической партийной символики, продолжающие так или иначе незаконно занимать место российской исторической государственной символики. Также и по отношению к остальным пережиткам марксистской диктатуры необходимо проявление принципиальной непримиримости.

Однако, этим политическая непримиримость русской белой политической эмиграции отнюдь не исчерпывается. Она простирается также и на все те неприемлемые последствия коммунистического режима, некоторые из которых сегодня преподносятся то ли как неизбежное "меньшее зло", то ли как естественная современность.

Усиленно муссируемая в последнее время теория "меньшего зла" порочна онтологически, так как зло является злом, а настоящий выбор должен происходить между добром и злом, а не между одним или другим злом. Но, даже если и допустить по временным тактическим соображениям такой выбор между разными проявлениями зла, то, в таком случае, после победы над одним злом, с помощью другого, необходимо сразу же обратиться и против этого последнего, дабы все таки восторжествовало добро. Так как "меньшее зло" зачастую является всего лишь уловкой ретирующегося "большого зла", для того чтобы закрепить, зафиксировать результаты достигнутые последним.

Так, например, сегодня эмиграцию пытаются усиленно спровоцировать на принципиальное согласие с расчленением России (а не только СССР). Согласие "де факто" в данном случае никогда не должно превратиться в согласие "де юре". Больше того, сегодня делаются большие пропагандистские усилия, для того, чтобы только лишь одну Русь считать русской, а остальные две Руси всего лишь "русскоязычными" или "русскоговорящими".

Однако, и многомиллионная Русь на территории России, но вне границ РФ, и малочисленная сегодня Зарубежная Русь во всем мире, являются русскими, а не русскоязычными. Русскоязычные — это не русские, говорящие по русски.

П. Н.

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ФЛАГИ И ГЕРБЫ

В заметке Елизаветы Веденеевой "Две — или три? — силы", в номере 2258, выводы и заключения — как и всегда — правильные. Однако, отправная информация не совсем точная: "Мы никак не можем сочувствовать московским горе-путчистам. На всех фотографиях, над их головами развевается серпастый и молоткастый красный флаг". Дело в том, что современная международная печать умеет ловко подгонять действительность под заданные ей схемы. В данном случае, эта печать показывала ту часть действительности, которую она хотела преподнести своим читателям. Фотографий можно снять великое множество, а затем опубликовать только некоторые из них, специально подобранные. Телевидением же гораздо труднее манипулировать, оно иногда невольно, хотя бы на миг, вдруг да покажет и другую сторону медали. (Особенно, когда идет прямая передача). По всей вероятности Веденеева не смотрела международное телевидение во время этого путча. Европейское телевидение, например, ясно показывало, что над зданием парламента во время путча развевался не "серпастый и молоткастый красный флаг", а бело-синекрасный флаг. На некоторых танках дивизии имени Дзержинского, атаковавших это здание, тоже развевались бело-синекрасные флаги, что было хорошо видно при съемках сбоку. Однако, когда танки поворачивали в сторону съемщика, на них отчетливо были видны большие красные пятиконечные звезды. А еще до этого, международное телевидение не раз показывало заседания "конституционного совещания", созванного Ельциным в противовес парламенту, в зале с большим русским флагом, над которым был подвешен "серпасто-молоткастый" герб. Самого Ельцина телевидение не раз показывало с поднятым кулаком, старым коммунистическим приветствием. А в середине ноября, на страницах международной печати появилась фотография улыбающегося Ельцина, в папаше с пятиконечной звездой, но, повидимому, с русским флагом на рукаве куртки. Так что, можно относиться как угодно к тем и к другим, но только не на основании присутствия или отсутствия у них русских флагов или красных флагов и красных звезд. Потому что, в этом аспекте, между теми и другими нет большой разницы. Что, конечно, не исключает других различий.

К. Матвеев (США)

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ

В заметке "Интеллектуальная честность?", в "Политической хронике" в номере 2247 (28.8.93), цитируется информация "Вестника Западно-Европейской Епархии Русской Церкви за Рубежом", в которой отмечается, что "редакторша одного из двух органов Ватикана издающихся в Западной Европе на русском языке", обвинила "православных богословов" в

"фальсификации" слов Иисуса Христа "Ты Петр, и на камне оснующую Церковь Мою". Обвинительница утверждает, что православные богословы, в своих "трактатах о Церквах", якобы урезают эти слова Иисуса Христа, оставляя только "осную я Церковь Мою". "А разве можно выкидывать слова Иисуса Христа, если его считаете Богом?", вопрошает католическая редакторша.

В "Вестнике Западно-Европейской Епархии Русской Церкви за Рубежом" эти "лживые высказывания перешедшей в католичество редакторши" категорически опровергаются, рядом конкретных примеров. Все православные хорошо знают, что сама суть Православия в том и заключается, что оно ничего не меняет ни в Евангелии, ни в трудах святых отцов Церкви, ни в постановлениях Святых Вселенских Соборов. Чего нельзя сказать про Римскую Церковь.

Как известно, после литургических реформ в Римской Церкви, после Второго Ватиканского Собора, многие благочестивые римокатолики публично протестовали против искажения в реформированной римокатолической Литургии слов Господа нашего Иисуса Христа "Пейте из нея все; ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая, во оставление грехов". (Матф. 26, 27-28). Например, в Аргентине известный римокатолический юрист Косме Беккар Варела в свое время даже опубликовал в столичных газетах платные объявления с протестом против замены в реформированной литургии слов Иисуса Христа "за многих изливаемая" словами "за всех изливаемая".

Тогда же возобновились нескончаемые реформы текстов Символа Веры, а в последнее время и текста Молитвы Господней. Например, в испанском тексте Символа Веры в Аргентине и в Уругвае выражение греческого подлинника "омоусиан" ("единосущный"), веками переводившееся на испанский язык словом "consubstancial", стали переводить то "conesencial", то "de una misma naturaleza". Сейчас установился последний вариант. Однако, в последнее время, в большинстве случаев, полный текст Символа Веры во время римокатолической Литургии в Аргентине вообще не читается, а читается сильно сокращенный текст. Например, в восьмом члене Символа Веры остаются лишь его начальные слова: "И в Духа Святаго", а весь остальной текст опускается. А иногда во время Литургии Символ Веры вообще не читается. В молитве "Отче Наш" в аргентинских римокатолических храмах сейчас стали

читать "и прости нам обиды наши, так же как и мы прощаем обидчикам нашим". То есть, слова "долги" и "должники" были подменены словами "обиды" (ofensas) и "обидчики". Правда, в итальянском тексте еще сохраняются всегдашние слова "debitos" и "debitores", в согласии с греческим подлинником ("офеилемата", долги). (Матф. 6. 12).

Весь этот процесс начался с фальсификации текста Никейско-Цареградского Символа Веры в Римской Церкви. Как известно, текст Символа Веры был утвержден на Первом Никейском и Втором Константинопольском Вселенских Соборах, в 325 и 381 годах. Третий Ефесский Вселенский Собор, в 431 году, вынес постановление о запрещении менять Символ Веры. Все постановления этих Соборов были приняты в соборном согласии с римским папой и с Римской Церковью. Однако, несмотря на это, в некоторых частях Римской Церкви в 8-ом и 9-ом веках стали прибавлять к Символу Веры слова "и Сына" (известное "Филиокве"). "Римский престол... несколько времени упирался; но ему пригрозили расколом; светская власть приступила к нему с настойчивыми требованиями". (Алексей Хомяков. Избранные сочинения. Изд. им. Чехова. Стр. 249).

В оправдание такого прибавления, на Флорентийском Соборе в 1439 году латиняне представили подложную рукопись деяний Седьмого Вселенского Собора, в которой к Символу Веры было прибавлено "Филиокве". Святой Марк Ефесский, принимавший участие в этом Соборе (и отказавшийся подписать его заключения) описал этот инцидент:

"Что касается изречений Западных Отцов... я замечаю, что они испорчены и имеют много вставок, как повсюду во многих иных книгах, так и в той, которая была представлена латинянами вчера и третьего дня — в книге Деяний Седьмого Вселенского Собора, в которой Символ Веры, находящийся в Соборном Определении, имел в себе прибавление ("Филиокве"), который когда читался, какой стыд объял тех (т. е. латинян), знают присутствовавшие тогда".

(Архимандрит Амвросий. Святой Марк Ефесский и Флорентийская Уния. Джорданвилль, 1968. Стр. 172).

С тех пор, по мере увеличения невежества, тогдашний стыд прогрессивно уменьшался, сойдя сегодня практически на нет.

Этот многовековой процесс фальсификаций авторитетно описан великим русским мыслителем

и богословом прошлого века А. Хомяковым:

"Вошедшие в привычку искажения текстов, пропуски и неточности в ссылках — все это так общеизвестно, что не подлежит и оспариванию... Я приведу на память читателям долго затянувшееся дело о подложных Декреталиях, на которых теория о главенстве пап строилась до тех пор, пока верование в нее настолько укрепилось привычкой, что оказалось возможным убраться эти лживые и сделавшиеся под конец ненужными подпорки. Напомню также о фальшивых дарственных грамотах, составляющих основание светской власти Римского первосвященника, и бесконечный ряд изданий святых отцов, искаженных очевидно с намерением..."

(Алексей Хомяков. Там же. Стр. 270, 271).

Так что обвинения католической редакторшей православных богословов в "фальсификации", являются просто сваливанием с больной головы на здоровую. Опасность такой агрессии заключается в ее подготовительной роли для очередных интервенций в России. В комбинации с проретическими элементами, уже действующими в ограде Православной Церкви, для прельщения Ее на "экуменическое сближение" с Отступлением, уже широко разлившимся на Западе.

П. Бондаренко (Аргентина)

Я — ЗА РАЗНООБРАЗИЕ!

В „Нашей Стране“ номер 2244, С. Шарпов требует, чтобы „наша северная столица“ именовалась не Петербург, а Петроград.

Весьма удивляет его почтительная ссылка на гондара. Государь Петр Великий, который город основал, его назвал именно Петербургом. Зачем же, казалось бы, менять? И кто имеет на это право?

Царь Николай Второй сделал уступку левому общественному мнению, по причине войны с Германией. Странно, что Шарпов этого не учитывает, заявляя, что мол ему все равно, воевали ли мы с Голландией!

Та война прошла, была еще одна, и тоже прошла. Не пора ли прекратить военные действия в именах городов?

Я, например, так очень рад, что в России есть города как Кронштадт и Оренбург, как Севастополь и Симферополь, Казань и Уфа.

Ибо Россия есть многонациональная империя, и не должна от этой своей исторической роли отступать и отрезаться.

Это только большевики пытались привести все к одному знаменателю, и вот переименовали Петергоф в Петродворец. После чего грамотные люди спрашивают: а как же образовать прилагательное от подобного названия? Петродворецкий звучит очень уж по-идиотски.

Узкий шовинизм есть враг здорового патриотизма. Постараемся в него не впадать!

Геннадий Криваго (Италия)

“ РУССКАЯ ЖИЗНЬ ”

Национальная, внепартийная, общественная ежедневная газета, издаваемая в городе Сан Франциско, США, с августа 1921 года.

Подписка на 1 год — 90.- долл., на полгода — 50.- долл., на 3 месяца — 30.- долл., на 1 месяц — 13.- долл., один раз в неделю за год — 35.- долл.

Подписку направлять по адресу:
2460 Sutter Street, San Francisco, CA 94115 USA.
Тел. — (415) 921-5380/5381, факс — (415) 921-8726

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ЗАКОН 86-90

Нам пишут из Вашингтона:

На совещании в Ванкувере президент Клинтон выразил намерение пересмотреть законы времен холодной войны, чтобы отменить их или исправить. Конгресс Русских Американцев усмотрел в этом возможность изменить русофобский закон 86-90 („Резолюция о порабощенных нациях“). Принятый в 1959 году, этот закон обязывает каждого американского президента ежегодно объявлять третью неделю июля „Неделей порабощенных народов“ и издавать заявление о солидарности американского народа с народами, страдающими от „русского коммунизма“. Важно отметить, что в законе говорится о „коммунистической России“, и что русский народ не числится в списке народов, порабощенных коммунизмом. В течение многих лет КРА предпринимало усилия для изменения этого закона.

Представители вашингтонского представительства КРА переписывались и встречались со всеми членами комитета по иностранным делам палаты представителей. Первый успех был достигнут, когда конгрессмен из штата Нью Йорк Б. Гилман предложил поправки к закону 86-90 и стал добиваться их одобрения демократами в своем комитете.

В сенате К. Пелл, демократ из Род Айленда, председатель сенатского комитета по иностранным делам, также представил поправку к этому закону, вызвавшую яростную оппозицию русофобски настроенных этнических групп, утверждающих, что термины „русский“ и „советский“ являются синонимами. Судьба закона 86-90 будет зависеть от степени желания правительства США развить дружественные отношения с Россией.

В октябре 1993 года начались дебаты в сенате по законопроекту о внешних сношениях, частью которого является поправка сенатора Пелла.

РОССИЯ БУДЕТ МОНАРХИЕЙ

Нам пишут из Нью Йорка:

Международное информационное агентство АП распространило сообщение, в котором говорится, что „по мнению российских монархистов, численность которых составляет около 10 тысяч человек, дни Ельцина сочтены, через год-полтора Россия может вновь стать монархией“. Агентство проинтервьюировало проживающего в Москве главу Всероссийского Монархического Союза Николая Лукьянова.

ВОСТОЧНЫЕ РАБОЧИЕ

Нам пишут из Вашингтона:

Конгресс Русских Американцев узнал о том, что Германия подписала соглашение с правительствами Белоруссии, РФ и Украины об ассигновании одного миллиона

марок для компенсации так называемых „восточных рабочих“ и других пленных в Германии Второй Мировой войны.

Эти деньги будут распределяться вышеперечисленными правительствами. Агентство для распределения этих денег сейчас организуется и правительство РФ обещало, что бывшие военнопленные будут извещены о начале его работы. Вопрос о жертвах войны, которые изменили свое гражданство, решен не был. Работники посольства РФ заявили, что КРА будет извещен, когда этот вопрос решится.

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

Нам пишут из Мюнхена:

В интервью немецкому журналу „Цайт“ писатель Александр Солженицын сказал, что „если бы в настоящий момент моя родина находилась в хорошем состоянии, весь смысл моего переселения состоял бы в наблюдении за русской жизнью, чтобы потом перейти к описанию этой жизни в своих произведениях. Но так как моя родина находится сейчас в большой беде, я не смогу безусловно в общественном плане смотреть на то, что там происходит. Это будет стоить мне очень больших сил и много времени. А мне уже 75 лет“.

Подчеркнув еще раз, что никаких политических функций он на себя не примет, Нобелевский лауреат подчеркнул, что общественной деятельностью он заниматься будет. „Это огромная область. Меня, например, интересует состояние наших школ. Вероятно, можно будет через то поколение, которое сейчас ходит в школу, оказать влияние на будущее состояние России. Я преподавал много лет, поэтому школьное дело мне очень близко. И поверьте, мне не справиться даже с такой областью как школьное образование“.

А. И. Солженицын допустил, что когда он вернется в Россию в мае 1994 года, у иных людей будет такая позиция: „Это тот плохой человек, который приложил столько сил для борьбы с коммунизмом! С ним надо бороться, его надо уничтожить!“

СОЛОНЕВИЧ И ЕВРЕИ

Нам пишут из Нью Йорка:

В статье, опубликованной газетой „Новое Русское Слово“, Ефим Маневич опровергнул обвинения И. Л. Солоневича в антисемитизме, написав следующее:

„Кто был Иван Лукьянович Солоневич? Эмигрантский журналист, печатавшийся сначала в газете Милюкова „Последние Новости“, а затем начавший издавать в Софии собственную газету „Голос России“. В номере 25 за июнь 1939 год в нацистской газете „Дер Штюрмер“ появилась статья Карла Гольца о Солоневиче под названием „Жидовский наймит“, так окрестили в общем-то прогермански и очень антиеврейски построенного Солоневича.“

За что же Солоневич впал в немилость у нацистов? Иван Лу-

кьянович провинился по некоторым пунктам. Во-первых, он был настоящим русским националистом и поэтому не хотел отдавать Гитлеру Украину. В декабре 1936 года Солоневич в газете „Голос России“ сформулировал свою позицию в отношении Гитлера: „...что свернули шею коммунистам — это замечательно! Но что хотя бы прикарманить у нас Украину — тут уж извините!“

Во-вторых, И. Солоневич отрицал расовую теорию нацизма. Он писал в „Нашей Газете“ (София, 10 июля 1939 года): „С одной стороны, пахнет форменным идиотизмом категорическое отрицание расы вообще (я приводил в пример цыганскую расу). С другой стороны, никакой русский националист и ни в коем случае не признает теории врожденной биологической неполноценности русского народа“.

Но самое главное расхождение возникло у Солоневича с нацистами по вопросу о евреях. В цитированной выше статье в газете „Голос России“ Солоневич прямо заявил: „И вообще, для ведения ясной и трезвой политики не следует населять мир всякими привидениями, типа леших, водяных, масонов, жидов и пр... И все то, что мистики антисемитизма проповедуют из Талмуда, Шульхан-Аруха, из Шмакова и Чемберлена, из сионских протоколов и Розенберга — все это не для нас... С лозунгом „Бей жидов“ в Россию возвращаться нельзя“.

КРИВОСУДИЕ В США

Нам пишут из Цинциннати:

Апелляционный федеральный суд в этом городе штата Огайо заявил, что в деле Ивана Демьянюка министерство юстиции США было не на высоте, скрывая информацию, которая помогла бы обвиняемому построить защиту и доказать, что он не причастен к преступлениям в нацистском лагере смерти Треблинка. По единодушному мнению трех судей, входивших в состав апелляционного жюри, следствие поддалось нажиму многочисленных еврейских организаций, жаждавших крови Ивана Демьянюка, в котором они видели палача евреев, прозванного в лагере „Иваном Грозным“. Впоследствии оказалось, что „Иваном Грозным“ был в действительности охранник Иван Марченко. Между тем, Демьянюк был по этому ложному обвинению выслан из Соединенных Штатов, предан суду в Израиле и поначалу приговорен к смертной казни через повешение.

Обжаловав приговор, Демьянюк выиграл дело. Апелляционное жюри отметило, что израильский Высший суд справедливо, оправдавший Демьянюка, „поступил не в пример более гуманное министерства юстиции США, хотя и подвергался в Израиле более сильному нажиму“.

Демьянюк был оправдан, — и недавно возвратился в США. Он живет в своем доме в пригороде Кливленда (Огайо), избегая выходить на улицу, так как активисты еврейских организаций, пикетирующие денно и ночью перед вхо-

дом в дом, угрожают ему смертью.

Апелляционное жюри решило рассмотреть дело после публикации заметки в одном из прошлогодних номеров журнала „Вэни Фэйр“, где действия министерства юстиции в деле Демьянюка подверглись критике. Решение жюри изложил судья Пирс Лайвли; подписали его также судьи Джилберт Мерритс и Деймон Кейт. В этом документе сказано, что тогдашний глава Отдела особых расследований министерства юстиции США Ален Райан пошел на поводу у еврейских общественных организаций и до того пел с ними в унисон, что читал даже лекции о деле Демьянюка в Израиле, совершив эту поездку на деньги Антидиффамационной лиги Бнай Брит. В тексте решения упомянут также практикующий в Майами адвокат Норман Москович, умолчавший о натяжках в деле Демьянюка.

Судьи подчеркнули, что эти двое должны были ознакомить защиту Ивана Демьянюка с полными из Советского Союза показаниями двух охранников, служивших в Треблинке. Оба показали, что „Иваном Грозным“ заключенные окрестили Ивана Марченко. Во-вторых, министерство юстиции положило под сукно присланный польским правительством архивный документ, в котором перечисляются все украинцы-охранники лагеря Треблинка. В списке фигурирует Марченко, но нет Демьянюка. Наконец, министерство юстиции скрыло от защиты показания одного охранника-немца, который сначала признал в Демьянюке Ивана Грозного, но позже отказался от своих показаний.

Ален Райан возглавлявший Отдел особых исследований министерства юстиции США с 1980 по 1983 год, ныне работает адвокатом в Гарвардском университете.

КАЗАКИ ВЕРНУЛИСЬ

Нам пишут из Нью Йорка:

Под таким заголовком появилась в воскресном приложении газеты „Нью Йорк Таймс“ большая статья о казачестве. Статья обильно иллюстрирована главным образом фотографиями кадет возрожденного в Новочеркасске Донского Императора Александра Третьего Кадетского Корпуса.

Автор статьи подчеркивает, что во время нестабильности и всеобщей разрухи русские люди видят в казачестве достойного защитника порядка и права. А екатеринодарский казак Иван Жуков добавляет: „Возрождение казачества есть возрождение России“.

По поводу этой статьи, проживающий в Канаде публицист Г. М. Моисеев написал в своем „Белом Листке“, что мы вправе гордиться теми юными сердцами, кто уже сегодня стали в ряды тех кто будет верно служить России, нести казачью традицию, кто с малых лет воспримет идею чести и достоинства русского воина, кто подымет меч в защиту России от посягательств недругов“.